

Однажды я сидела под окном. На солнце и морозе снег сверкал ослепительно. И вдруг мне словно игла в сердце вошла. По улице мимо нашего дома под конвоем вели Олега. Вот проходят под окнами. Ну да! Его пальто с коричневым воротником, его походка. Но почему сын не взглянул на родной дом?

Не выдавая своего волнения, я спокойно вышла из дому и только на улице побежала, догнала арестованного. Нет, не он...

А тут еще пьяные полицейские разговаривали меж собой о пытках в гестаповских застенках. Волосы вставали дыбом от ужаса.

Как-то к нам зашел полицейский. В борт пиджака у него было вколото несколько больших иголок. Другой полицейский спросил:

— Слушай, это зачем же у тебя столько иголок? В портные записался?

— Нет, это для допроса. От таких штук языки сразу развязываются. Иначе напрасный труд — говорить с этими молокососами. Кричишь на них, грозишь, бьешь — молчат. А как только запустишь вот эти иголочки под ноготь, да поглубже, — ой-ой-ой, такой крик поднимают, даже весело становится!

Когда немцам не удалось схватить Валю Борц, они посадили в тюрьму ее мать и десятилетнюю сестру Вали — Люсю.

Люся была пионеркой, и она до конца осталась верна той присяге, которую давала, вступая в пионерскую организацию: твердо стоять за дело Ленина—Сталина.

Люся не раз видела товарищей старшей сестры и знала, что они собираются вместе писать листовки против немцев и потом расклеивать их.

Девочке сказали в тюрьме:

— Ты знаешь, кто у вас из ребят бывал. Скажи — кто,